

Дмитрий Силкан

ВСЕМОЩНЫЕ БДЕНИЯ СЮАУСТА

Апокрифический список поэмы

Дмитрий Силкан

Всенощные бдения Фауста.

Апокрифический список поэмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051453

Всенощные бдения Фауста. Апокрифический список поэмы:

ISBN 978-5-91627-052-5

Аннотация

Трагические стихи Дмитрия Силкана неразрывно связаны с «непостижимостью» личной смерти и с ощущением Бездны. Это и есть, собственно, великая отправная точка: а дальше – кто куда.

В его стихах...характерен такой момент:

«Снова – Счастье... Всё спокойно...

Жизнь опять свернулась в ленту.

Всё степенно... Всё достойно...

Смерть отсчитывает ренту...

Визги крыс подобострастных,

кайф сосущих алчным роем...

Только Дух познания страстно

отмечает блажь покоя»

Такой бунт против «Счастья» во имя броска в Великое
Неизвестное – это очень и очень по-нашему.

Содержание

«Гулливер, Дон-Кихот, Фауст...»	4
* * *	7
«Эсхатологическое комильфо Дмитрия Силкана»	9
«Побеждён ли Фауст Мефистофелем?»	13
Дмитрий Силкан	19
«Начало»	22
«Размышления Фауста»	24
«Братья во Кресте»	25
«Водная прогулка Фауста»	28
«Томление Фауста»	30
«Тайная реальность Фауста»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дмитрий Силкан

Всенощные бдения

Фауста. Апокрифический

СПИСОК ПОЭМЫ

«Гулливер, Дон-Кихот, Фауст...»

Начиная наш проект, мы говорили о масштабности начинаний, исторических и мифотворческих полотнах, о возвращении к фантазии и ощущении жизни как чуда. Гулливер (он часто похож на Дон Кихота) – герой детский, чистосердечный, доверчивый, ищущий, в чём-то даже смешной.

Немногие согласятся взять на себя эту уязвимую роль, занять позицию, изначально предполагающую насмешку фарисеев и книжников – ироническая фигура надёжней: модель поведения отработана, да и исполнение не требует особых душевных затрат.

Дмитрий Силкан на эти затраты идёт: бесстрашно, размашисто, весело. Расчёт на провокацию есть, но он какой-то слишком невинный, этот расчёт. На него можно и не обращать внимания, он на поверхности: автор обращается к опыту Мефистофеля, посланника Мрака. Играть – так по круп-

ному! Масштаб – не является залогом победы, но в его всеохватности есть очарование. Такие вещи подкупают, добрые люди обращают на них внимание, злые ворчат.

Я не уверен, что умение себя правильно позиционировать, вставляя лыко в строку литературной ситуации, оправдано стратегически: на больших дистанциях побеждает безоглядность.

Капитан Лебядкин перед написанием «Пиесы Таракан» тоже хорошенько подумал: «Россия – игра природы, сударыня!» ...Лучше и не скажешь!

Эту убийственную формулировку можно применить и к стихам Силкана. Он ввязывается в авантюру с Фаустом с подростковой страстностью, не имитируя её, а, на мой взгляд, именно переживая от начала и до конца, – и эта его одержимость даёт возможность на время забыть о почти вековом скепсисе, окутавшем нашу культуру.

Свобода она для этого и существует, чтобы не спрашивать разрешения, а писать так, как считаешь нужным. Новые формы письма не отменяют старые, лишь дополняют. И если мы чего то и достигли в смысле эволюции, расширив наши знания и умения через информационные технологии, то это – возможность играть. Со старыми стилями и темами, версиями и контекстами, с героями и народами. Лишь бы что-то было за душой!

А там, к счастью, что-то есть. И это не только литературный опыт.

...Мы можем не обращать на это внимания, не знать об этом, но история нашего народа прорастает в нас: языческие костры, кресты и колокола, византийские орлы, звёзды и свастики, смуты и восстания, расколы и объединения, бомбометания, ГУЛАГ...

И постоянный вопрос и выбор – как ты расправишься своей бессмертной душой, каков смысл твоего существования? И неуничтожим этот дух – и держит в напряжении всех, кто попадает в его орбиту – и не сделать с этим ничего, так устроен русский мир, русский хаос.

...Одна американская славистка недавно пыталась доказать нам с Андреем Тавровым, что стихотворение Пушкина «Пророк» – сатанинское. Аргументированно. С цитатами из Библии. Спорить не стали. Зачем спорить? Это основы нашей культуры, отпечаток темперамента, архетип.

«И внял я неба содроганье и горный ангелов полёт». Такое вот стремление, судьба, участь...

Вадим Месяц,

руководитель издательского

проекта «Русский Гулливер»

Трагические стихи Дмитрия Силкана неразрывно связаны с «непостижимостью» личной смерти и с ощущением Бездны.

Это и есть, собственно, великая отправная точка: а дальше – кто куда.

В его стихах...характерен такой момент:

«Снова – Счастье... Всё спокойно...

Жизнь опять свернулась в ленту.

Всё степенно... Всё достойно...

Смерть отсчитывает ренту...

Визги крыс подбострастных,

кайф сосущих алчным роем...

Только Дух познания страстно

отмечает блажь покоя»

Такой бунт против «Счастья» во имя броска в Великое Неизвестное – это очень и очень по-нашему.

Правда, счастье бывает не только «человеческое» (его-то всё-таки можно презреть), но и трансцендентное. Вот этакое «Счастье» (вечное по своей сути) презреть – такое уже явно по ту сторону и человеческого, и ангельского, (не говоря уже о «дьявольском», с его манией «власти» и «овладением» того, что космически пожирнее и послаще).

Вообще поэзия Силкана навевает мысли, отнюдь не относящиеся к сфере сытого метафизического благополучия.

Прочтите, к примеру, стих «Ночные молитвы Фауста». Комментировать его и не стоит — настолько там всё ясно выражено.

За такие стишки в давние времена на Западе фарисействующие прямёхонько отправляли на костёр (не задумываясь, правда, о том, какой костёр будет уготован им самим)...

Юрий Мамлеев,

Писатель, философ, драматург.

«Эсхатологическое комильфо Дмитрия Силкана»

В современной России давно уже появилась смыслокреативная когорта писателей, которую объединяет вовсе не некий единомышленный интерес с модной приправой той или иной местечковой партийности.

Нет, этих особенных авторов отличает вечно актуальное созидание = поиск, (как правило, традиционно-исконных значений и ценностей, причем в контексте наиболее глубокой мировой культуры: метафизики).

Да, уже в XX веке и прежде всего европейским народам пришлось усугублено и заново открывать самих себя в лице Э. Юнгера, О. Шпенглера, Ж. Батая или М. Хайдеггера.

Теперь пришёл черед пока свободной (от самой себя) России, и это «пока» – в ключевых руках Юрия Мамлеева и Тимура Зульфикарова, Владимира Гусева и Сергея Кургина, Сергея Сибирцева и Александра Проханова... Именно их отмыкающиеся тексты делают злободневными и животрепещущими, можно сказать, впрок закоренелые в нашей истории и – каждом нашем «Я» – проблемы смыслокреативного порядка, (с их антиномическим сопряжением изначальной и – постиндустриальной, постмодернистской обращенности в будущее: прошлое – России. В ее идентифицированное и

безумно-истинное – «да-бытие!»)

Нельзя не подчеркнуть, что нынешние сорокалетние (увы, исчезнувшие из критических обзоров бывшего «сорокалетнего» Владимира Бондаренко) преимущественно тяготеют как раз к смыслокреативному поприщу, и среди них сегодня знаменательно выделим Дмитрия Силкана (родившегося в 1966 году) – автора «Всенощных бдений Фауста».

Этот философско-художественный труд, в первую очередь, завораживает своей – по-пушкински! – аристократичной самодостаточностью (без привычного ныне – профанически-опрошенного, если не холуйски- уничижительного! – заискивания перед недалеким, но массовым и потому «рентабельным» читателем = покупателем).

На эпическом просторе «Всенощных бдений...» плодотворно сталкиваются и ратоборствуют классические смыслы Гёте, Байрона, Л.Н. Толстого, Ф. Ницше, Д.С. Мережковского, М.А. Булгакова, Ж. Батая, М. Хайдеггера и без преувеличения – всей! – апофатической тематики мировой культуры (от св. Иоанна Дамаскина, Мейстера Экхарта и до «тайны» К. Ясперса и Г. Марселя)...

И сегодняшний распolzшийся (весомо и масс-культово) читатель «по-барски» рассердится – естественно, не на своё модное невежество, а на силкановскую «заумь» и выпренность! И поделом ему, обиженному – между кукишных пальцев – бесноваться...

Однако у автора «Всенощных бдений Фауста» – куда бо-

лее значимые, «заслуженные» супостаты... которые (пусть, не по нулям, а полуобразованно, но все ж таки: «элитарно» и «интеллектуально») презентациозны – и настолько, что беспрельдно норовят монополизировать по своему чванству всю христианско-мистическую проблематику с ее заведомо не антропоцентрическим и не гуманным – по-интеллигентски! – блезиром.

Дмитрий Силкан как раз и убойно нацеливается на подобную абсолютизацию Божественных смыслов – (но не собственно догматических, соборных правил!) – тем самым адекватно лишая своих оппонентов не воцерковленно-мистериальной, а наоборот: самозванной в духе! – «жизни».

Жизни, с ее исключительно рациональным (и еретитствующим!) произволом, вплоть до антихристового «блаженства и спасения здесь-и-сейчас». И вплоть до «слишком человечески» понятой Христовой любви, как некой официозной... и «кесаревой» разновидности «единой» (и – гламурной!) политкорректности.

Учитывая столь «позитивный» соблазн «Божественного»: по себе! – автор не боится вслед за Гёте (отсюда и общее название поэмы) и М. А. Булгаковым (что менее акцентировано) – апеллировать к метафизическому и опять же не строго-догматическому опыту Мефистофеля (= Воланда). Делая его по-современному востребованным мечом для «интеллигентски-элитарной» (и по-свински самодовольной) твари с «обвисшим» (и – аж «мадонно»!) оправданным «сердцем»,

(по прекрасному определению Силкана).

Как видим, уже не только Бог, но и дьявол становится Провиденциальным бичом для гуманно-антропоцентрически заикленного на себе потомка Адама, который по-хамски оприходовал сегодня (по<pseudosection>фаустовски – трагические?!...нет, бери выше: прямо Небесные!...но лишь посмертно – блаженные и спасительные!) СМЫСЛЫ, превратив их в рукоблудную (прости, Господи!) «благодать». Или в «лучшем» случае – учинив оргию с той или иной, «по-христиански» к-рай-не любвиобильной профурсеткой...

И безумно-истинно (и вызывающе!) изничтожая – зако-стевшие в своей скотско-элитарной «одухотворенности» и «заслуженности» – Ценности беспредельной не-до-росс-льскости, Дмитрий Силкан креативно возвращает им истинно-сущее Безмолвие самого Спасителя (в виде апофатически «пустого» Внебытия; в виде первозданно-оригинальной «Бездны» – нашего Я и не-Я).

Да сгинут, сгинут мертвецки-с-мир-енные с «тем здесь-и-сейчас» самообожествлением... и действительно новые (в этой «исключительно» потусторонней заклятости) грешники – в эсхатологическом (и актуальнейшем!) комильфо.

Пётр Калигин,

член Президиума Московской городской организации

Союза писателей России,

доктор философии, профессор кафедры культурологии

Государственного университета управления (ГУУ)

«Побеждён ли Фауст Мефистофелем?»

**(религиозная мифологема
в поэме Дмитрия Силкана**

«Всенощные бдения Фауста»)

Представленная читателю поэма посвящена «вечной» проблеме богоискательства, нашедшей отражение в образе гётевского Фауста (явившегося, по словам известного философа начала XX века Льва Шестова, «первым интеллигентом, пытавшимся решить проблему человеческого бытия»).

Обращение к классике здесь не случайно, поскольку и у Гёте, и в современной вариации на первый план выходит гуманистическая философия, явившаяся символом эпохи Просвещения, с её религиозной идеей антропоцентризма. Тот же антропоцентризм найдёт своё продолжение в романтизме, в немецкой идеалистической философии, (начиная с Фихте и заканчивая Ницше и Штирнером). Современный неоромантизм, опять же, находя истоки в просветительском

гуманизме, эту идею доведёт до своего логического конца. Точнее – до абсурда, выразившегося в «теории человекобога», (которая в наше время стала столь знаменательна и популярна, что затмила собой христианскую идею Богочеловека, «перевернув» христианство таким образом, что оно превратилось в свою противоположность, в антихристианство, где Бог превратился в диавола, а диавол – предстал богом, освободившим человека от уз «закона»).

Отметив сходство с вышеуказанными философами, (проводящими идею «человекобога» – как человека будущего, индивидуума нового типа), тем не менее, укажем и на одно существенное отличие: просветительский гуманизм Гёте с его верой в человека не предполагал ещё тогда абсолютизации человека. Ещё жива была вера в Бога, во Христа, несмотря на то, что уже тогда возникали ростки идей атеизма. Гётевский Фауст как раз и стремился показать несостоятельность таких идей, их изначальную абсурдность. Для Гёте и нужна была особая фантастическая атмосфера, как можно ярче высвечивающая существующую реальность. Нет, Гёте не стремился к описанию сверхчеловека, его цель состояла в том, чтобы показать реального человека, оказавшегося, как праведный Иов, перед выбором добра и зла. И как праведный Иов, Фауст, преодолев все препятствия – выбирает добро.

Чтобы яснее понять отличие гётевского Фауста от современной трактовки, необходимо обратиться к протолегенде,

которая, как известно, возникла из раннесредневекового жития о святых мучениках Киприане и Иустине. Краткая канва жития такова: Киприан, будучи язычником, был настолько искусен в волховании, т.е. колдовстве, что своими чудесами приобрёл большую популярность. Казалось, для него нет ничего невозможного: он мог повелевать стихиями, превращать неблагородные металлы в благородные, мог управлять людьми, их желаниями и мыслями.

Но вот однажды, повстречав юную девушку-христианку, так пленился её красотой, что пожелал ей овладеть. Но на его страсть благочестивая дева ответила отказом. Тогда, уязвленный гордостью, Киприан решает прибегнуть к волхованию. Но вера девушки была настолько сильна, что колдовство оказалось бессильным.

Призвав к себе духов тьмы, Киприан повелевает им совершить Иустину. Но и духи оказались бессильны, и тогда раздосованный Киприан взывает к самому князю мира – дьяволу... Однако история заканчивается тем, что разочаровавшись в волховании, Киприан приходит к Христу и становится христианином. Вместе с Иустиной он принимает мученическую смерть...

Постепенно история о Киприане превратилась в легенду о докторе Фаусте, который в позднесредневековых легендах, в немецких фаблио становится уже не волхвом, а алхимиком и философом, (соответственно моде того времени).

Смысл истории также несколько меняется – Фауст оказы-

вается гордецом, занимающимся чернокнижием, а не влюблённым юношей, за что и терпит наказание: его душа попадает в ад. Мораль истории такова, что знание – ещё не источник мудрости, и диавол, как князь мира сего, хотя и может управлять стихиями, но высшая мудрость ему не доступна. Мудрость божественная невозможна без любви, а любовь немыслима без смирения.

Знаком нашего времени становится оторванность от Бога – абсолютная автономия, «Я» возведённое в абсолют – именно этим гордится человек, именно это «Я» становится его кумиром и идолом. Отсюда, побеждает Мефистофель: человек, утративший Бога – перестает быть человеком, автономное сознание разрушается, будучи заключённым в замок собственных иллюзий. Наш Фауст устремляется в миры иные, он ищет инобытие, не соприкасающееся с реальностью – убогой, беспросветной и «унылой». Против этого «сытого покоя» бунтует Мефистофель, даруя своему герою мечту о неведомых далях... Но кто сказал, что христианство стремится к сытости и проповедует «о райских кушах, в руках заветы теребя?». Напротив, заветы и были даны на горнем месте, чтобы от скотоподобия человек пришёл к богоподобию: «Горе имеем сердца». Не об этом ли говорил Гёте, обращаясь к житию святого Киприана, что «мудрость горнюю познал»? Нет, Фауст Гёте не привязывается к миру, ведь «Остановись мгновенье, ты прекрасно» – являлось той ловушкой, в которую и хотел поймать его Мефисто. «Остановись мгновенье –

вот мир у твоих ног, его богатство и разнообразие, пленись хотя бы на момент, на миг...» – и ты погиб! Но Фауст победил, сохранил дыхание юности – не вкусившей соблазн греха, юности наивной и чистой любви. Об этой любви и свидетельствуют евангельские заповеди блаженства, этой любовью и побеждается Сатана. Слова «Остановись мгновенье, ты прекрасно» – приобретают совершенно другой смысл, своё истинное значение: любовью побеждается зло и упраздняется царство антихриста.

Если разбить «магическое зеркало», искажающее смысл, то в поэме можно увидеть это стремление к гётевскому идеалу любви – любви не чувственной, а целомудренной; не эгоистической, а жертвенной. Для этого необходимо снять маску и посмотреть на мир открытыми глазами. Нет, Фауст не является случайным персонажем – мы видим то стремление к прекрасной ясности, которое встречаем в христианстве.

Автор в чём-то подобен Киприану, который ещё не обрел Христа, но уже разочаровался в обманчивой силе мефистофелевского зеркала. Увы, в современном мире, Мефистофель, в отличие от гётевского Фауста, подменив понятия, оказался победителем! Отрекшись от «старых догм», «глупых религиозных обрядов», отрекшись от «никому не нужного Христа» и Церкви, человечество утратило главное – свободу, которая невозможна без Богочеловечества Христа, без Распятия и Воскресения.

Увлекаясь «игрой бесконечности», человек отказался от

Вечности и тем самым, «остановив мгновение», похоронил себя заживо. Затворились врата пещеры, захлопнулась крышка гроба – Воскресения не состоялось. Нет Бога, Бог умер.

А впереди – Ничто, зияющая бездна, манящая и пугающая одновременно, завораживающая душу, влекущая в «небывалое», где подобно ледяному замку Снежной королевы, предлагается хитроумная головоломка, собрать которую пытается утративший веру Фауст...

Ольга Козарезова,

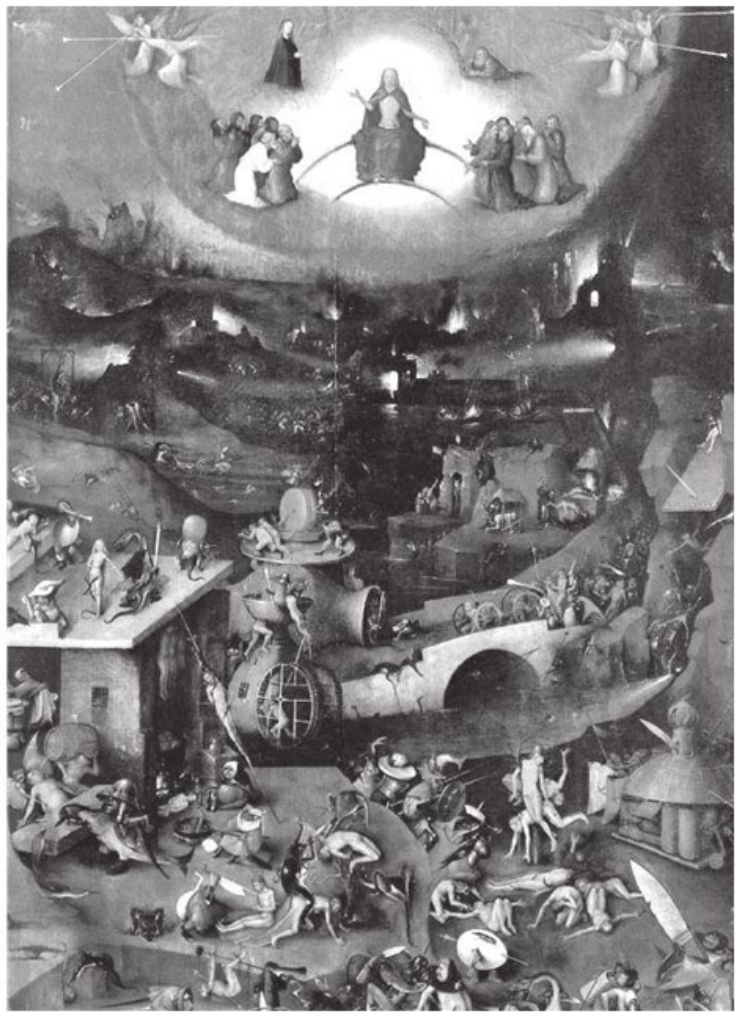
член Союза литераторов России, бакалавр богословия,

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии

Российского государственного гуманитарного университета

Дмитрий Силкан
Всенощные бдения Фауста
(Апокрифический список поэмы)

*«...и бесы знают, что Бог един
– и трепещут...»*

«Начало»

*«...Мудрость... проповедуем между
совершенными, но... не века сего... но проповедуем
премудрость Божию, тайную, сокровенную...»*

Во влажной пустоте родился пульс, биенье...
Незримая печать на Замысел легла:
частичка бытия, рапсодия нетленья
сквозь вязкость вечных форм материю вела...
Разбрасываясь вширь, свет заплетая в нити,
она росла в тиши, не ведая себя...
Но время взорвалось, и, в сладостном наитии
вдруг осознав Закон, пробилась полынья,
что в толще мёрзлых вод *жизнь* вымолила мыслью...
И вторгся в нежный мрак Огня небес росток –
неведомый цветок, что тайным налит смыслом:
стал воплощаться в мир, выбрасывать листок,
стремясь найти себя во влажной тёплой хляби,
что приняла его, как благодетную весть...
И ничего теперь рост этот не ослабит,
раз Бездна вобрала Огонь – таким, как есть...

И разрастаясь вширь, пространство вдаль объемля,
вдруг ощутив себя пленённым в пустоте –
он устремится вниз, позывам древним внемля,
стремясь явить Чертёж на чистовом листе...

Здесь древний тайный рок не умалить злодейством:
Сокрытое во Тьме – проявится сквозь боль!
Сквозь кровь и жаркий стон
Великим тайнодейством
пред небом предстаёт создание, чью роль
не ведаёт никто во всех мирах вселенной...
Запретный новый луч ворвался в бытиё,
как тайна вечных тайн, зов Бездны вдохновенный!
И недостоин встать бог пред лицом Его!..

Воспламятся вмиг заоблачные дали
и сонм незримых сил в испуге замолчит...
Родился Человек – любимец мироздания,
что в сердце затаил от Истины ключи!

«Размышления Фауста»

*« И кто захочет душу свою спасти – тот её
потеряет...»*

Ревущее пламя безликой пустыни
вплавляет в песок смертоносную тишь...
И время разверзлось – теперь и отныне
в оковах земли Ты, Спаситель, скорбишь...
Планета застыла в немом ожидании:
что фатум небесный принёс в *этот раз*?
Ушедший от догмы, из храма – в изгнание,
Иисус не сомкнул свет дарующих глаз,
что в мир расцветут: кровью на плащанице,
даруя надежду на нечто ещё,
что мир не познал, ведь «в миру» – лишь частица
от Жизни вселенской! ...И грубым плащом
укутал Господь испытанье страданием:
чтоб Солнце греха не сожгло эту плоть,
что будет низвергнута на поруганье,
распята... Но Дух чтоб сумел побороть
греховность желанья *избегнуть страданья*
и душу, что жаждет «взлететь в небеси»...
Распятьем чтоб смылось испуга стенанье:
«Ту чашу – Ты *мимо* меня пронеси!»

«Братья во Кресте»

(Откровение, ниспосланное Фаусту)

«...ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою...»

Великой жертвы бытия
зажжён был факел в Иудее
«Не я ли, равви? Ведь не я?» –
звучал вопрос... И всё быстрее
сжимала вереница дней
мистерии святой сценарий:
серебреники иудей
впрок приготовил; и динарий
отдал он кесарю, что чтил
богов, неумолимых в гневе...
И прокуратор кроной мнил
себя на Жизни божьем древе...
Все ждали только лишь сигнал,
чтоб роль свою сыграть послушно
никто свой путь ещё не знал,
в неведении простодушном...

И кто запустит Колесо,
кого же высший рок укажет?

Незрим, неслышим, невесом,
Дух горный выбирал, кто скажет:
*«Пора! Я знаю, где Иисус...
Да будет, равви, божья воля!»*
Но, кто же выдержит искус
отречься от тяжёлой доли
«предателя и подлеца» –
как назовут его убийцы,
распявшие в грехе Отца
под маской догмы пряча лица?
*«Ту чашу мимо пронеси!
О, равви!»* – стон с глухой тоскою...

Ну, а в ответ лишь: *«Не проси!
Иди – и делай! Я – с тобою!
То крест твой будет!.. Я лишь день
унижен буду палачами –
и ляжет гневной воли тень
на мир людской, что пред очами
Всевышнего лежит во мгле
и в мерзкой страсти возжеленья...
Но в Судный день, в святом огне
грядёт земное очищенье –
и да настанет Высший суд!*
Да изольётся Чаша гнева
на мир греха! И не спасут
ханжей слащавые напевы,
что повторяют в суете,
с надеждой вымолить прощенье...

*Явлюсь я в Силе, в Красоте –
и нечестивым дам отмищенье!
Сейчас же – должен пострадать*

*Посланник, миром зла распятый.
И смертным – не дано познать
сей замысел... Невиноватый
взойдёт на крест – таков закон
людовой толпы, что жаждет крови...
В злодействе будет обвинён
злодеями Сын божий... Снова
толпы беснующейся крик
вдруг перейдёт в оскал звериный,
покроет скорбь незримый лик
Всевишнего... И ты, невинный,
сей Жертвы крест прими со мной,
испей до дна вино страданий,
и сытой мудрости земной
отринь советы – в них незнание
Божественного бытия,
что в Вечности безмерной длится...
Взойдём на Крест – лишь ты, да Я!
И Факел жертвы возгорится!»*

«Водная прогулка Фауста»

В тот ранний предрассветный час –
на лодке прочь от дома...

Не зная цель и в этот раз:
она мне незнакома...

Плыву – неведомо к чему:
«Что там, в краю далёком?»

Но... утро прожигает тьму
и, верный жизни срокам,
я устремляюсь вдаль – туда,
где солнца край мерцает
и где полночная звезда
в забвеньи угасает...

Качает лодку тихий плёс,
запели птицы ранние
и шум проснувшихся берёз –
как с ночью расставание...

И воскресает всё вокруг,
услышав гомон утренний ...
И свет с небес ворвался вдруг!
(А, может быть – он внутренний?)

Молюсь на возрождение дня –
хоть сил уже на донышке,
но всё плыву к рассвету я

на крохотном судёнышке...

И вдаль стремлюсь – туда, туда,
где горизонт отвесный...

Проходят дни... Идут года...

А я – *на том же месте!..*

«Томление Фауста»

Над унылыми полями
дух безмолвья серебрится,
снег блестящими грядками
на земную гладь ложится
Воздух чист, но полон грусти
и тревоги затаённой
сердце полнится печалью
от любви неразделённой
Снег летит и что-то шепчет
о своей нелёгкой доле:
в жизни раз лишь ярко вспыхнет,
в звёздном небе чуя волю
Озарится он сияньем
от звезды полночной света,
и с предсмертным ожиданьем
упадёт на землю где-то
и вольётся в грязь сырую,
в чистом неземном свеченьи,
вспоминая жизнь иную:
звёзд далёких вдохновенье...
Так и я – пусть хоть мгновенье,
но хочу струиться светом,
в этом звёздном откровеньи
быть огня живым приветом,
а потом – ну что ж, согласен:

в грязь готов упасть навеки...

Но зато – тот миг прекрасен,

Миг сиянья в человеке!

«Тайная реальность Фауста»

Унылый ночлег одинокой постели,
обмякшие руки, что жаждут тепла...
В сознании – мысли завязли, осели
на самое дно... И с утра до темна –
тоскливый прогон монотонных движений:
по схеме работает мозг-механизм...
А ночью – опять в душный склеп сновидений
(лишь **там, за Порогом** – свершается Жизнь,
и мир расцветает сиянием лунным,
где краски искрятся в изгибах души)
...Мерцают таинственно древние руны –
в обители грёз, в иномирной тиши,
что мрак застилает восторженным светом,
лучится истомой и дарит покой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.